

УДК 811.161.2'282.3

АЛТЭЦА, СОРКОЖИ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ВОСТОЧНОРОМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГОВОРЕ БУЛАЕШТСКИХ УКРАИНЦЕВ: ВИД НА ФОНЕ НАДПРУТСКО- БУКОВИНСКОГО И ГУЦУЛЬСКОГО КОНТЕКСТА

Алексей Романчук

научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия

(Кишинев, Молдова)

e-mail: dierevo5@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2021-7958

В статье рассматриваются некоторые восточнороманские лексические заимствования в говоре украинцев села Булаешты/Булэешть (Орхейский р-н, Республика Молдова). В связи с булаештским /ал'теца/ обращается внимание, что не только в этом случае, но и вообще в восточнороманских лексемах с мягкими /m'/, /ð'/ при их заимствовании не произошёл крайне характерный для булаештского говора переход в /k'/, /g'/ . По отношению к булаештскому /соркуж'и/ предлагаются новые аргументы в пользу его происхождения в связи с румынским *sórcovă*.

Ключевые слова: украинцы Молдовы; восточнороманские влияния; лексика; надпрутско-буковинские говоры.

Romanchuk Aleksei. *Алтэца, соркожи and some other Romanian borrowings in the dialect of the Bulaestian Ukrainians: a review in the context of the Bukovinian and the Hutsul dialects.*

The article considers some Romanian lexical borrowings in the dialect of the Bulaestian Ukrainians (Bulaesti village, Orhei district, the Republic of Moldova). Concerning the Bulaestian /ал'теца/ 'kerchief (originally exclusively white), a piece of cloth that is hung under the eaves over the doors of a house where someone has died', the attention is drawn that all Romanian words with /m'/, /ð'/ that were borrowed by the Bulaestian dialect never occur the transition to /k'/, /g'/ (whereas the transition /m'/, /ð'/ to /k'/, /g'/ is extremely characteristic feature for the Bulaestian dialect). Thus, besides the /ал'теца/ the same phonetic regularity we see in Bulaestian /гапò'ина/ 'the slot into which the bottom of the barrel is inserted' (Romanian *gardină*); /бá'д'ей/ 'older brother' (Rom. *Bade*); /дежма/ 'theft, robbery' (Rom. *dîjmă* 'submit, tithe'); /m'акк/ 'press for grapes' (Rom. *tease*); /m'им'і'л'їїа/ 'foundation, basis' (Rom. *temelie*); /m'арфа/ – 'woman of easy virtue' (Rom. *tearfă, târfă*, with broad spectrum of senses, including the same as Bulaestian one); /m'афоре"ї/ - 'good, fit' (Rom. *teafăr*). This phonetic regularity suggests that such phonetic feature of the Bulaestian dialect as the transition /m'/, /ð'/ to /k'/, /g'/ appeared more earlier than this dialect started to contact the Romanian ones.

Also, the author suggests some new evidences for the hypothesis of origin of the Bulaestian /соркуж'и/ 'mulberry' from the Romanian *sórcovă* 'twig (of fruit tree, originally), which is congratulated on the New Year'. It looks like Romanian (and, then Bulaestian) /соркуж'и/ appeared as a result of interactions between Romanian *sórcovă* and East Slavic шелковица, шовковица 'mulberry'; this interaction resulted also in Moldavian dialectal forms шорковицы and шорков (Rom. dial. *şórcov, şórcova* 'mulberry').

Keywords: Ukrainians of Moldova; Romanian influences; lexica; Bukovinian dialects.

© Романчук А., 2020

Тема восточнороманских влияний на говор
украинцев села Булаешты / Булэешть (Орхейский р-н,

Республика Молдова) была затронута еще в начале исследований этой этнографической группы [Романчук, Тащи 2010, с. 56–68]. В том числе были сделаны и некоторые важные обобщения теоретического характера [Романчук, Тащи 2010, с. 53–54].

Позднее вопрос так или иначе затрагивался в других исследованиях (в частности: Романчук 2017; Кожухар 2014; Кожухар 2014а; Кожухар 2015). Однако предметом специального внимания эта тема стала совсем недавно, буквально два года назад.

За это время удалось получить, как кажется, некоторые интересные результаты, в том числе – частично введенные в научный оборот.

В первую очередь, конечно, стоит отметить, что обращение к диалектным восточнороманским данным позволило предложить еще одну, третью по счету, версию этимологизации самого ойконима Булэешть [Romanchuk 2020]. И, по всей видимости, именно эту этимологию следует считать более предпочтительной.

Именно, в контексте проблемы объяснения происхождения названия села Булэешть было обращено внимание [Romanchuk 2020, с. 108–109] на существование молдавских диалектных *bul'ai* и *bul'a*, которые, в свою очередь, очевидно связаны со славянским *булава*, и, соответственно, праславянским **bula* «гуля, набалдашник».

Существенно, что указанные лексемы фиксируются в Попрутье, в той части Буковины (на стыке Кицманского, Заставновского и Глибокского районов Черновицкой области), украинские говоры которой обнаруживают наибольшее родство с булаештским в лексическом и фонетическом отношении. Помимо того, нельзя не отметить, что здесь же, и неоднократно, фиксируется и такой, весьма значимый топоним округа Булэешть, как Волока (бул. /Wo'лока/). И именно в селе Волока Вижницкого района (в том числе) отмечена и лексема *bula*.

Таким образом, к одному и тому же ареалу, ареалу надпрутско-буковинских украинских говоров, нас адресуют не только лексика и фонетические характеристики булаештского говора, но и сами топонимы Булэешть и Волока. И, по всей видимости, все рассмотренные факты [Romanchuk 2020] следует расценивать как важный аргумент в пользу того, что и ойконим *Булэешть*, и топоним *Волока* возникли в среде именно носителей булаештского говора, которые и принесли соответствующую топонимическую традицию из ареала надпрутско-буковинских говоров в регион Орхейских Кодр.

Полагаю, вышеозвученный ввод представляет собой существенное уточнение в вопросе генезиса этнографической группы булаештских украинцев.

Далее, анализ составленной выборки восточнороманских лексических заимствований булаештского говора (415 лексем на тот момент) показал [Romanchuk 2019], что они по своему происхождению, в свою очередь, делятся на несколько основных групп: лексика славянского (преимущественно – южнославянского) происхождения (40 %) и латинского (20 %; но некоторые лексемы из этой категории достоверно заимствованы совсем недавно (как *căldare*)); заимствования из турецкого (12 %), венгерского (7 %, что любопытно), новогреческого (5 %). Отдельно отметим и лексемы дакийского, албанского, аромунского (в частности: /gl'ag/) и неизвестного происхождения (9 %), а также – ономатопеического (2 %).

Было подчеркнуто, что примечательна в данном случае в первую очередь очень высокая доля лексем славянского (прежде всего – южнославянского) происхождения среди восточнороманских заимствований булаештского говора. К тому же многие из восточнороманских лексем, заимствованные из турецкого и новогреческого, имеют и южнославянские параллели – и часто можно предполагать южнославянское посредничество в процессе заимствования в румынский.

Для соответствующей оценки полученных результатов приведем некоторые сравнительные данные по румынскому языку в целом: «... значительное количество славянских лексем, доля которых достигала 30 % всей лексики румынского языка, превратились в историзмы и архаизмы, но и сейчас славянские корни составляют около 20 % разговорной речи румынского и 5–10 % письменной» [Донцу 2011, с. 23].

То есть, по всей видимости, доля славянизмов по происхождению (практически исключительно – южнославянизмов) среди восточнороманских заимствований булаештского говора превышает «нормальный» для современного румынского языка показатель в два раза. Разница, очевидно, весьма значительная и явно требующая объяснения.

Существенна и заметна разница и в отношении удельного веса заимствований из некоторых других языков. Так, согласно подсчетам Н. Донцу (основанным на этимологическом словаре молдавского языка, СДЕЛМ 1978), в молдавском варианте румынского языка насчитывается заимствований «... романских без латинского – 19 %, латинских – 35 %, германских – 4 %, тюркских – 1 %, венгерских – 2 %, прочих – 1 %» [Донцу 2011, с. 23].

Выборка СДЕЛМ, несмотря на определенные недостатки (именно, на мой взгляд, там многовато книжной лексики, и к тому же заимствованной, очевидно, уже в XX веке), все же достаточно обширна, и сделанные на ее основе статистические заключения представляются значимыми.

Продолжая, отметим, что в этой же работе [Romanchuk 2019] были выделены некоторые лексемы (южнославянского, в конечном итоге, происхождения), вызывающие повышенный интерес. Среди них, в частности: «/борш/ ‘борщ’ (в украинском ареале повсеместно, включая ближайше-родственные булаештскому говоры Буковины и гуцулов, /боршч/, /борш’:/ – при болгарском /борш/; при этом булаештские /ботуш’:/ ‘саженец винограда’ – из рум. диал. *botuș*; /б’еш’:/ ‘погреб’ – рум. *béci*; /g’ерлш’:/ ‘свод входной камеры погреба’ – рум. *gârlici*), /пр’іс’т’елка/ ‘передник, фартук’ (рум. *pestelcă*, диал. рум. (Олтения, преимущественно) – *prestelcă*), /зум’бела/ ‘удила’ (рум. *zăbale* из венг. *zabola* (что, в свою очередь – раннее заимствование из субстратного позднепраславянского диалекта); но диал. рум. – *zămbale*; в украинском ареале *зумбила* – в бойковских и надднестрянских говорах), /сурло/ ‘рыло (свиное)’ (в говорах Буковины и гуцулов фиксируется только значение ‘труба’), /с’тегна/ ‘загон в поле для овец’ (рум. *stăpă*; в украинском и южнославянском ареале повсеместно стина; стигна – Ломачинцы Сокирянского р-на; стигло – Восточное Полесье), /gygla/ ‘копна кукурузных стеблей’ (рум. *glugă*; *bg* гугла), и др.» [Romanchuk 2019, с. 105].

Безусловно, что одной из важнейших задач на данном этапе является дальнейшее введение в научный оборот (в идеале – максимально полное) уже собранной базы данных по восточнороманским лексическим заимствованиям булаештского говора. В рамках одной статьи, однако, это не представляется возможным. Поэтому данная работа представляет собой следующий шаг в этом

направлении, также концентрируясь на некоторых наиболее интересных случаях.

При этом попутно представляется целесообразным и одновременно посмотреть, в какой мере и каким образом рассматриваемые восточнороманские заимствования представлены в ближайше родственных булаештскому говорах – надпрутско-буковинских и гуцульских.

Итак, очертив, таким образом, цели и задачи нашей работы, приступим.

/Ал'теца/ – 'платок (первоначально – исключительно белого цвета), кусок полотна, который вешается под стрехой над дверями в доме, где кто-то умер'. Рум. *altiță* считается южнославянским (скорее всего) по происхождению (СДЕЛМ 1978, с. 25). Обращает внимание не только отвердение /т/ при заимствовании в булаештский говор, но и то, что ни в известных мне словарях молдавского языка (ДМР 1961, с. 32; ДМР 1987, с. 35), ни в словарях румынского (собранных на онлайн-платформе <https://dexonline.ro/intrare/alti%C8%9B%C4%83/1610>) не фиксируется значения, представленного в булаештском говоре.

В работе В. Зеленчука по погребальным обычаям молдован упоминается (со ссылкой на работу румынского исследователя П. Штефэнуке, посвященную фольклору жудеца. Лэпушна (имеется в виду румынский жудец межвоенного времени на территории нынешней Республики Молдова; ныне это Хынчештский и некоторые прилегающие к нему районы Республики Молдова)) обычай, по которому в доме умершего «на дверь навешивался лоскут холста ...» [Зеленчук 1959, с. 61]. Однако сам термин *алтицэ* в контексте этого обряда В. Зеленчук не упоминает.

Классическая работа С. Мариана по погребальным обычаям румын упоминает *altițe* несколько раз [Marianu 1893, сс. 61, 63, 64, 138, 277, 567], но ни в одном случае речь не идет о соответствующем булаештском значении. Не упоминает С. Мариан и вышеупомянутый обряд.

Однако как обряд, так и такое значение лексемы *altiță*, безусловно, существуют в молдавских говорах и, по крайней мере, засвидетельствовано мной в соседних с Булаештами молдавских селах Мырзачь, Мырзешть, Суслень. Отмечает такое значение данной лексемы и диалектальный словарь молдавского языка (ДД 1); что примечательно – составители фиксируют его в расположенном по соседству к северу от микрзоны Булэешть-Мырзачь селе *Слобозия-Хородиште* Резинского р-на Республики Молдова.

Каково, однако, реальное пространственное распределение такого значения лексемы *altiță* в молдавских говорах – вопрос, требующий отдельного прояснения.

В буковинских говорах слово известно (в Кицманском, Глибокском, Новоселицком, Хотининском, Сокирянском, Кельменецком районах), но тоже с иным значением («клин-вставка в рубашке, коже и т. п.») (СБГ 2005, с. 18). Так же – и в гуцульских говорах (ГГ 1997, с. 17).

Стоит также отметить, что и в болгарском языке, согласно (БЕР 3, с. 324), не фиксируется значения слова *алтица/латица*, аналогичного зафиксированному в булаештском говоре.

В связи с вышеупомянутым отверждением /т'/ в булаештском */ал'теца/* обращает на себя внимание тот, весьма любопытный и требующий дальнейшего осмысления, факт, что и в других соответствующих восточнороманских заимствованиях булаештского говора не произошел крайне характерный для булаештского говора (как неоднократно отмечалось) переход

/d'/ в /g'/, и /m'/ в /k'/). В частности: /'gard'ina/ – 'паз, в который вставляется днище бочки' (рум. *gardină*); /ba'd'eiu/ – 'старший брат'; вежливое обращение к старшим' (рум. *bade*), /'dejma/ – 'воровство, грабеж' (рум. *dijmă* 'подать, десятина'); /m'i'găia/ – 'сковорода' (рум. *tigăie*); /m'ask/ – 'пресс для винограда' (рум. *teasc*); /m'im'il'ïia/) – 'фундамент, основание' (рум. *temelie*); /m'arfa/ – 'женщина легкого поведения' (рум. *tearfă, târfă* с широким спектром значений, в т. ч. и соответствующим булаештскому); /m'afore"ÿ/ – 'хороший, годный' (рум. *teafăr* 'sănătos, întreg, nevătămat; zdravăn; cu mintea întreagă, sănătos la minte').

То есть, судя по этим данным, переход /d'/ в /g'/, и /m'/ в /k'/) в булаештском говоре, по всей видимости, возник и развился до и/или вне связи с его контактами с восточнороманской средой. И этот факт, безусловно, имеет важное значение для установления времени и обстоятельств формирования как данной характеристики булаештского говора, так и самой этнографической группы булаештских украинцев.

/Ар'гона/ – 'задаток'. Рум. *arvună* считается заимствованным из новогреческого (СДЕЛМ 1978, с. 34). Как *аргона, архона* представлено также в молдавских говорах Буковины и Хотинщины (АЛМ 1, к. 283). Однако ни (СБГ 2005), ни (ГГ 1997) ни в какой форме данной лексемы не фиксируют.

/Ба'бане/ – 'крупная фасоль для пюре' (фасолевое пюре – /ко'лоч'ин'и/, /ба'бане ко'лоч'ин'и/). В соседних с Булаештами молдавских селах Мырзачь и Мырзешть – *babani*, с аналогичным булаештскому значению (в т. ч. пюре из фасоли именуется *babani făcăluite*).

Данная лексема не фиксируется (СБГ 2005) ни в каком значении. Гуцульским говорам известно *бобані* 'крупнозернистая фасоль' (ГГ 1997, с. 19).

В словарях румынского (включая молдавский) языка имеем лишь *babană* 'старая беззубая овца' (что, в свою очередь, полагается заимствованием из болгарского (СДЕЛМ 1978, с. 43)); в таком значении из румынского/молдавского оно проникает и в украинский ареал (ЕСУМ I, с. 103). Однако булаештскому говору такое значение не известно.

По всей видимости, булаештское /ба'бане/, как и гуцульское *бобані*, своим происхождением, в конечном итоге, связано с румынским *baban, babană 'mare, de dimensiuni apreciabile, dolofan'* (<https://dexonline.ro/definitie/baban>), то есть – «большой, крупный, толстый».

/Бал'мар'и/ – 'дверные петли'. Рум. *balama, balamale* – турцизм (СДЕЛМ 1978, с. 44). Известные мне словари говоров Буковины и гуцульских не фиксируют данной лексемы.

/Барг'ïia/ – 'подбородок коровы, быка'. Рум. *barbie* 'подбородок' (унаследовано из латыни), в молдавских диалектах (в т. ч. в Мырзачь и Мырзешть) – *bargie* (характерный для них переход /b/ в /g'/). В Сторожинецком районе на Буковине – *бардія* 'подбородок' (СБГ 2005, с. 25), судя по цитируемому контексту – именно быка, коровы. Известные мне словари гуцульских говоров не фиксируют данной лексемы.

/Бу'жор/, /бо'жор/ – 'пион'. На Буковине – в Сторожинецком районе, в значении 'водяной перец, *Polygonum hydriperig L'* (СБГ 2005, с. 41). В булаештском говоре сегодня полностью доминирует форма /бу'жор/, но от стариков мне приходилось слышать и /бо'жор/ (в чередовании с /бу'жор/).

/Бонда/ – один из терминов, используемых для обозначения женских половых органов. На Буковине известно в Глибокском районе (СБГ 2005,

с. 36), но в ином значении («безрукавка»). У гуцулов – *бунда* 'кожушок-безрукавка' (ГГ 1997, с. 31).

/Боц/ – 'ком'. На Буковине *бодз*, *боц* с тем же значением (СБГ 2005, с. 34–35). Рум. *boț*. Согласно (СДЕЛМ 1978, с. 57), «происхождение не известно»; согласно некоторым румынским словарям, этимологию этого слова связывают с «Lat. pop. **bottium* (*bottila*)» (<https://dexonline.ro/intrare/bo%C8%9B/6585>). Однако исходя из буковинских данных, можно полагать, что происхождение и восточнороманской, и украинской диалектной лексемы *боц* так или иначе связано с украинским диалектным *будз* (которое, в свою очередь, происходит из румынского *bulz* (ЕСУМ I, с. 278)). Собственно, авторы ЕСУМ также сопоставляют украинские диалектные *боц* 'большой ком теста' и *буц* 'свежий овечий сыр, из которого делают брынзу' (ЕСУМ I, с. 239), однако весьма неуверенно и предположительно. Любопытно заметить здесь, что, насколько можно судить, форма *боц*, *боцик* (как и производный от нее глагол *боцити*) на Буковине характерна именно для Кицманского, Заставновского и Сторожинецкого районов (СБГ 2005, сс. 37, 35). Также именно в Кицманском и Сторожинецком районах лексема *будз* имеет значение 'один кусок, штука овечьего сыра'. Как, кстати, и в булаештском говоре: *будзом*, *бузом* в Булаештах именуется имеющий округлую форму первичный кусок, получаемый в завершение процесса изготовления брынзы. Аналогичное значение *будз* имеет и в гуцульских говорах (ГГ 1997, с. 30), тогда как общебуковинское значение этого слова 'свежий овечий сыр' (СБГ 2005, с. 41).

Существенно также отметить, что в Мырзацах и Мырзештах местное молдавское население использует для обозначения первичного куска брынзы термин *boț de brânză*.

У гуцулов лексема *боц* (или ее производные), согласно известным мне словарям, не фиксируется.

/Боцете'/ – 'комкать, сминать'. Рум. а *boți* с тем же значением. На Буковине фиксируется в Сторожинецком районе, но с иным, достаточно отличным, хоть и связанным, значением (СБГ 2005, с. 41). В гуцульских говорах аналогии мне неизвестны.

/Дежма/ – 'воровство (прежде всего фруктов из садов, огородов)'. Производный глагол – */дежму'wате'/* 'воровать (фрукты)'. Рум. *dijmă 'nodată, decimă, zeciuală, a zecea parte din venit dată cuiva (statului, proprietarului ș.a.) (vsl. dižma, чех. sírb. dežma, д. vgerm. dezemo, care e lat. décima, decimă; ung. Dézsma)*» (<https://dexonline.ro/definitie/dijm%C4%83>). То есть, в булаештском говоре произошел существенный семантический сдвиг в значении данной лексемы.

В буковинских говорах *дижма* 'подать, десятина; приданное' фиксируется в Кицманском и Сторожинецком районах (СБГ 2005, с. 94). Известные мне словари гуцульских говоров не фиксируют данной лексемы.

/Соркожа/, /соркужа/ – 'шелковица'. Мн. число: */соркож'и/, /соркуж'и/*. Ни в буковинских, ни в гуцульских говорах аналогий, даже отдаленных, обнаружить не удалось.

На сегодняшний день в булаештском говоре практически полностью доминирует форма */соркуж'и/*. Однако еще поколение моих бабушек-дедушек предпочитало именно форму */соркож'и/*.

Ранее мы сопоставили [Романчук, Тащи 2010, с. 66] булаештское */соркуж'и/* с молдавским диалектным *sorciji* 'шелковица' (зафиксировано нами, в частности, в соседнем молдавском селе Мырзаць; вообще в

молдавском/румынском языке для обозначения шелковицы используются лексемы *agud, dud*), а также с молдавским/румынским *sórcovă* 'веточка (фруктового дерева, первоначально), которой поздравляют с Новым Годом' («*bețișor sau rămurică împodobită cu flori artificiale de diferite culori, cu care copiii lovesc ușor pe spate pe părinții, cunoscuții etc. în dimineața zilei de Anul Nou, urându-le, în versuri speciale, sănătate și noroc*») и глаголом *a sorcovi* 'колядовать, поздравлять с помощью сорковы' («*a colinda, a ura cu sorcova*») – которые, в свою очередь, связаны своим происхождением с болгарской традицией (и болгарскими существительным *сурвачка* 'веточка кизилового дерева, которой поздравляют, ударяя по спине', и соответствующим глаголом *сурвакам*).

Сегодня, полагаю, такое объяснение по-прежнему верным, однако требующим некоторых уточнений. Именно возникновение молдавской/румынской лексемы *sorcoji, sorcui* 'шелковица' произошло, на мой взгляд, в результате интерференции румынского *sórcovă* и восточнославянского *шелковица, шовковица*. Такая интерференция происходила на территории между Днестром и Прутом – особенно в зоне, прилегающей к Днестру, где, по диалектологическим данным (ДД 1; АЛМ 1), фиксируются (в контексте рассмотрения молдавского *agud* 'шелковица') гибридные варианты, в т. ч. *шорковицы* и *шорков*. Формы *şórcov, şórcova* 'шелковица' с пометкой «региональное» фиксируют и румынские словари, собранные на онлайн-платформе DEX («*reg. Pom cu fructe comestibile dulci, de culoare neagră sau albă, ale cărui frunze constituie hrana viermilor de mătase; agud; dud.*»): <https://dexonline.ro/intrare/%C8%99orcov/116389>, <https://dexonline.ro/definitie/%C8%99orcov%C4%83>).

Появление собственно формы *sorcoji, sorcui* следует связывать, по всей видимости, с характерным для молдавских говоров переходом /v/ в /j/: *vițel – jițel* 'теленок', *viță – jiță* 'виноградная лоза' и пр.

Значимым фактором трансформации *sórcovă* в *sorcoji* явилось, надо полагать, и то, что в собственно болгарской традиции термин *сурва* прилагался к кизилу – дереву с такого же красно-черного цвета плодами (похожими и по размерам), что и шелковица. Собственно, схожим образом в греческих диалектах Македонии и Фракии болгарское *сурва*, будучи, по мнению болгарских этимологов, заимствованным для обозначения кизила, было далее перенесено и на рябину (БЕР 7, с. 582–583).

ЛИТЕРАТУРА

Донцу, Н. Ф. (2011). Славянизмы в словаре «Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть» (под ред. Н. Раевского, М. Габинского, Кишинэу, 1978). [In:] *Славянские чтения*, 6, с. 23–25. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/j_nr_file/6.2011.pdf (дата посещения: 06.11.2020).

Дубасова, А. В. (2008). О смешении небнопалатальных и дентальных в балтийских и славянских языках. [In:] *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради*, № 30 (67), с. 90–94.

Зеленчук, В. С. (1959). *Очерки молдавской народной обрядности (XIX, начала XX века)*. Кишинев, 97 с.

Кожухар, К. С. (2014). Назви їжі і харчування в говірці села Булаешти Оргеївського району Республіки Молдова. [In:] *Етнокультура порубіжжя: локально-територіальні особливості. Одеські етнографічні читання*. Одеса, с. 193–210.

Кожухар, К. С. (2014a). Локальные особенности названий пицци и питания в украинском говоре села Булаешты Оргеевского района Республики Молдова. [In:] *Revista de etnologie si culturologie*, вып. XVI, с. 50–59.

Кожухар, К. С. (2015). Українсько-молдовські інтерференції в назвах страв з пшеничного борошна в українських говірках Республіки Молдова. [In:] *Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки. Міжнародні наукові читання пам'яті академіка Костянтина Поповича*. Кожухар В. Г., Кожухар К. С. (ред.). Кишинів, т. 1, с. 243–248.

Романчук, А. А. (2014). Булаештський говор и рефлексы праславянских сочетаний *tj и *dj. [In:] *Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини*. Збірник наукових праць. Мартинова Г. І. (ред.). Умань, вип. 5, с. 47–54.

Романчук, А. А. (2017). Ойконим Мэрзаке/Мырзачь и славяно-восточноромано-«пост-золотоордынские» этноязыковые взаимодействия в микронеоне Булэешть – Мырзачь – Суслень (Орхейский р-н, Республика Молдова) в раннемолдавский период (XIV – начало XVI вв.). [In:] *Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки. Міжнародні наукові читання пам'яті академіка Костянтина Поповича*. Кожухар В. Г., Кожухар К. С. (ред.). Chişinău, vol. III, pp. 333–352.

Романчук, А. А. и Тащи, И. Н. (2010). *Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы (XIV – начало XVII вв. от Р. Х.)*. Кишинев, 144 с.

Marianu, S. Fl. (1982). *Înmormintarea la români. Studio etnografico*. Bucuresti. 593 p.

Romanchuk, A. (2019). Romanian lexical borrowings in the Ukrainian dialect of Bulaesti village: a general review. [In:] *Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare*. Programul și rezumatele comunicărilor conferinței științifice internaționale. Ediția a XI-a. Chişinău, 29–31 octombrie 2019. Chişinău, pp. 104–105.

Romanchuk, A. (2020). Once again about the names of Bulaesti and Woloka: some refinements to the issue of origin of Bulaestian Ukrainians. [In:] *Revista de Etnologie și Culturologie*, vol. XXVII, pp. 107–111.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЛМ 1 – *Атласул лингвистик Молдовенеск [Карты]: Вол. 1. П. 1: Фонетика*. Кишинэу, 1968. 235 нумер. карт.

БЕР 3 – *Български етимологичен речник*. Том III (крес1 – минго1) / съставили: В. И. Георгиев, Р. Бернар, Ст. Илчев, М. Чальков, Й. Н. Иванов, Д. Михайлова, В. Анастасов, Г. Риков, О. Младенова, У. Дукова, М. Рачева, Л. Димитрова-Тодорова, Т. Ат. Тодоров; участвала в обсъждането: Е. Машалова; редактор: В. И. Георгиев. София, 1986, 800 с.

БЕР 7 – *Български етимологичен речник*. Том VII (слово – терясвам) / отговорен редактор: Т. Ат. Тодоров; ред.: М. Рачева, Т. Ат. Тодоров; автори: В. Анастасов, Х. Дейкова, Л. Димитрова-Тодорова, У. Дукова, Д. Михайлова, М. Начева, М. Рачева, Г. Риков, Т. Ат. Тодоров. София, 2010, 973 с.

ГГ 1997 – *Гуцульські говірки. Короткий словник* (1997). Я. Закревська (ред.). Львів, 232 с.

ДД 1 – *Дикционар диалектал* (Кувинте, сенсурь, форме). Вол. 1. Кишинэу, 205 п.

ДМР 1961 – *Дикционар молдовенеск-русеск* (1961). Борщ А. Т. (ред.). Кишинэу, 780 с.

ДМР 1987 – *Дикционар молдовенеск-рус.* (1987). Челак Т. (ред.). Кишинэу, 576 п.

ЕСУМ I – *Етимологічний словник української мови* (1982). В 7 т. О. С. Мельничук (ред.). Київ, т. I, 631 с.

СБГ 2005 – *Словник буковинських говірок* (2005). Н. В. Гуйванюк (ред.), К. М. Лук'янюк. Чернівці, 688 с.

СДЕЛІМ 1978 – *Скорт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть* (1978).
Н. Раевский, М. Габинский (ред.). Кишинев, 680 п.

Подано до редакції 06.11.2020 року
Підписано до друку 30.11.2020 року